

неразличенного (незамеченного) удерживает реальность различия и способность к различению. Топология пути, на котором обретается человечность, как об этом размышляет М.Мамардашвили, – это постоянное усилие «найти себя живым». «А живое отличается от неживого тем, что оно всегда может нечто иное»¹.

Но именно в трудах А.Ф.Лосева открываются не только формы созидающего бытия, но и, что особенно значимо, – способы открытия, освоения и удержания иного, инобытия в бытии. Каждая из категорий, раскрываемых Лосевым, содержит в себе эту отнесенность к иному и занимает, как бы свое место в процессе выразимости в ином, является средством энергичной выразительности и выраженности. В этой связи особенно интересен проводимый в трудах А.Ф.Лосева анализ эйдоса, имени, символа и стиля².

Сама жизнь, согласно Лосеву приобретает смысл только через выход в иное самой жизни. «Надо выйти из жизни ... в известном смысле остановить жизнь... возвыситься над этой ... липкой, вязкой, тягучей, тестообразной стихией жизни»³[3]. Но этот выход по сути возможен только как творчество и через творчество. Бессмысленно и невозможно представление и заявление результатов творчества сразу, непосредственно в самом «теле» жизни (стихия жизни пожирает самое себя), заявление и удержание нового сначала выражается в удвоении самого себя, своего мира в слове, символе, стиле, мифе, ткущих ткань инобытия. Таким явленным миру словом, мифом, символом человеческого самостояния в стихии жизни стало и творчество, связываемое нами с именем А.Ф. Лосева.

Г.В. Лобастов

К АБСОЛЮТНЫМ ОСНОВАНИЯМ ТВОРЧЕСТВА

Проблема творчества концентрирует в себе внутреннюю суть всего спектра практических и теоретических проблем человека. Для человечества любая проблема оборачивается проблемой ее разрешения, деятельностью создания форм действительности, способных снять возникающие противоречия. Если сознание не улавливает внутреннего смысла исторического развития, т.е. определенности и на-

---

¹ Мамардашвили М. Психологическая топология пути, М.,1997. С. 50.

² Андрюхина Л.М. Стиль науки: культурно-историческая природа, Екатеринбург, 1992.

³ Лосев А.Ф. «Жизнь» (Повести, рассказы, письма).

правленности ее движения, история разворачивается стихийно, фиксируя в пространстве человеческой культуры то, что насильственно задается этим ее законом. В этой ситуации поле сознания высвечивает лишь ближайшие определения бытия, и деятельность творит, соотносясь только с этими определениями.

Любая произведенная вещь *субъектна*. Иначе говоря, она несет в себе импульс активности, и активна она далеко не только в отношении окружающего предметного мира, но в первую очередь в отношении самого человека – именно потому, что она есть человеческая вещь, *в ней представлен человек*. Поэтому уродство создаваемых форм уродует человека, безумие порождает безумство. Но и высокое порождение творящего человека создает и утверждает истинно человеческие смыслы бытия.

Легко заметить, что оценка эта может оказаться самой противоположной, а именно – все зависит оттого, из каких оснований мы будем исходить. «Мое удовольствие, тщеславие, слава, честь, *особенная субъективность*, – вот то, что я делаю своей целью», – таков был лозунг софистов, которые, как показывает Гегель, – «еще не различали между интересом субъекта со стороны его особенности и его же интересом со стороны его субстанциальной разумности»¹.

Нельзя сказать, что проблема *субстанциальной разумности* проста, она требует, во-первых, понять сам разум как нечто несводимое к рассудку, а существующий только через атрибутивные определения своей субстанции; а, во-вторых, здесь сознание должно быть мыслимо не просто как противоположный бытию момент, а – даже в самом этом противоположении – только как внутреннее условие движения абсолютного. Иначе в проблеме самих оснований мы не сможем выбраться из тупиков релятивизма. «...Всякое рассуждение, исходящее из основания, приведение оснований за и против, выдвижение таких точек зрения есть софистика. ... Мы, следовательно, не так далеки от софистики, как нам кажется. Когда теперь образованные люди говорят о некоторых вопросах, то они могут прийти к очень правильным выводам, а все же их рассуждения представляют собой не что иное, как то, что Сократ и Платон называли софистикой... Если речь идет об основаниях, то можно посредством них *все доказать*, можно для всего найти основания за и против; однако так как эти основания конечны, то они ничего не решают против всеобщего, против понятия»².

---

¹ Гегель. Соч.: в 14 т. Т. 10. М., 1932. С. 24.

² Гегель. Соч.: в 14 т. Т. 10. С. 18 – 19.

Сознание как момент объективной истории по своему существу призвано находить сущностные формы движения объективного процесса, призвано быть разумом, снимающим рассудочно-прагматические способы бытия индивидов, их ограниченные позиции и конечные основания. Осознание этого призвания сознания превращает самосознание в форму критического отношения к себе. Любое особенное здесь сбрасывает с себя претензию на абсолютность и получает значение лишь особенного момента во всеобщем движении становления, позицию которого пытается занять и выразить самосознание.

История противоречива в своей сути и в своих обнаружениях. Здесь легко заметна и сила идеальных мотивов и их бессилие. Еще больше видна мощь материальных условий и обстоятельств, не способных, однако, в своем обособленном существовании удержать в адекватно-человеческом единстве все определения общественного бытия. Идеи, которые объединяют и связывают это бытие в единство, всегда вырастают и сосредоточены вокруг невидимых сил исторического процесса. Эта внутренняя противоречивость бытия не только в сознании индивидов представлена по-разному. Она в самой объективности, в историческом процессе выступает в многообразных формах, неадекватных самой сути человека, выступает как объективная разорванность этой сущности, части которой связаны в целостность только в насильственной форме единства противоположностей. Раб и господин, крестьянин и феодал, пролетарий и буржуа – вот исторические образы, демонстрирующие нам такую насильственную взаимосвязь.

И хотя эта взаимосвязь все больше начинает осуществляться через форму индивидуальной свободы, самоопределение человечества разворачивается через самонасилие и, следовательно, через насилие одного человека другим, через властные отношения.

Человек есть функция самого бытия. Того бытия, которое он сам творит и, следовательно, в этом творчестве сам себя полагает. Поэтому творчество как самосознательный процесс всегда замкнуто на свои объективно-реальные основания. Более того, оно по необходимости критично к самим этим основаниям, т.е. способно осуществлять критическую рефлексию самого себя. В этом и заключается суть его самосознательности. Поэтому процесс поиска человеком своих оснований *уже* является творческим процессом.

Деятельность может оказаться сдерживающим фактором для развития и внедрения тех элементов, которые противоречат исходно-

человеческим принципам бытия. Например, принцип капитала не только порождает орудия убийства, вооружение как реальный фактор бытия в условиях господства этого принципа, но и превращает этот элемент в товарную форму, поэтому гонка вооружения становится не просто и не только политическим действием, но и весьма прибыльным фактором движения капитала. Тем самым капитал внутренне заинтересован в политических противостояниях и непосредственно в войне как сфере поглощения (потребления) его дорогостоящего товара. Война для него также оказывается двояко выгодна: она и средство борьбы за переделы собственности, и она условие превращения оружия в товар. Более того, она выступает как бы естественным условием (формой) выхода за рамки правовых форм, их разрушения, а тем самым создания специфических (внеправовых) условий осуществления капитала как принципа бытия.

Поэтому ясно, что творчество в условиях господства этого принципа с самого начала попадает под власть этого принципа и оказывается *отчужденной* формой. В условиях отсутствия адекватного сознания общественно-исторического бытия и господства буржуазного принципа творчество легко становится отчуждаемой и эксплуатируемой способностью (деятельностью), столь же легко направляемой в антигуманное русло, которое, конечно же, обосновывается гуманизмом. Производство вооружения, например, начинает мыслиться как форма, создающая рабочие места и тем самым обеспечивающая бытие самих рабочих, которые внутри господства этого принципа начинают приветствовать любую работу и изобретать «автоматы Калашникова», одновременно протестуя против войн, всякого рода насилия, убийств и т.д.

Ясно, и даже кажется естественным, что самосознание здесь не достигает исходных оснований. Естественным это кажется потому, что определенные слои населения не только оторваны от творческого начала, но и превращены в маргиналов. Привязка сознания и самосознания здесь осуществлена к самым элементарным бытийным условиям внеисторического характера.

Если смысл и мотив лежит в товарной форме, то потребительная стоимость ничего не стоит, она не имеет никакого значения. Что творить и как творить – не имеет существенного смысла, смысл имеет только «творчество» денег. Производимый продукт должен обладать только свойством продажности, т.е. товарной формой. А деньги в любом облике одинаковы, они абсолютно безразличны к действительным основаниям человеческого бытия. В них воплощена всеобщая

продажность товаров, и поэтому сами они обладают абсолютной продажностью.

В этом и заключен тот принцип, который лежит в основании всех действий данной, то бишь буржуазной, формы общественного развития. Но собственно человеческое, т.е. соответствующее понятию человека, осуществляется вопреки этой логике. Осуществляется как эпифеномен. Господствует же животный принцип, опосредованный всем составом цивилизации и, как бы это странным ни показалось, собственно человеческими формами, которые в этих условиях представляют собой трагикомическое образование, поскольку сами подвержены движению этого принципа, но в-себе-и-для-себя-бытии представляют полную им противоположность.

Эта превращенная форма бытия людей совершенно неслучайно порождает иллюзии, культы и фетиши. Творческая стихия внутри этой формы порождает монстров, здесь не ведают, что творят, но творчество здесь абсолютно необходимо, оно порождено самим механизмом этого бытия – конкуренцией. Но не мыслью об универсальном развитии свободной и творческой личности. Творчество приобретает форму креативности.

Каждая вещь стремится занять свое место, утверждал Аристотель. Но чтобы человеку занять свое *человеческое* место, необходимо войти в логику исторического бытия, чтобы сделать ее основанием своего собственного *творческого отношения к себе*. К себе именно потому, что создание любой внешней формы, любая инновация выступает лишь преходящим моментом в безграничном становлении человека.

Здесь-то и возникает вопрос о внутренней логике исторического развития как логике развития самого человека, т.е. человеческого в человеке. Эта логика и должна показать основания этой человечности, а потому и свои собственные основания, которые, как легко заметить, далеко не сводятся к формальным принципам, одинаково хорошо работающим на любой жизненный принцип.

Более того, эта логика хорошо понимает, что сдвиги в сознании и в способах взаимосвязи людей есть необходимый момент движения исторического процесса. Эти революционные скачки, давно себя обозначившие в общественно-историческом бытии и давно выявленные теоретической мыслью, были поняты также и как формы самой развивающейся мысли, как формы мысли, ориентированные на качественную смену любого наличного бытия. Это логика объективной исторической саморефлексии, саморефлексии истории. Масштаб чело-

века, мера истинности его активно-творческой деятельности лежит здесь.

Логика исследования творческого процесса как раз и должна воспроизводить эту историю, ибо ясно, что движение является здесь родовым понятием, а творчество должно быть понято как форма развития. Но как такая форма, в которой имманентным моментом является *субъективное начало*, человеческое Я. Поэтому исследование творчества переводится в плоскость анализа человеческой формы деятельности, формы по необходимости общественно-исторической. Логика этой деятельности и есть логика творчества.

Но поскольку требуется не описать, а выразить сущность деятельности, и выразить в строгой логике теоретических понятий, постольку становится невозможным обойти простой урок элеатов: ведь если мышление не сможет отразить в своих понятиях движение как таковое, то браться за теоретический анализ деятельности как особой формы движения было бы не только делом неосмотрительным, но граничило бы с самомнением, присущим невежеству.

А попытка выразить движение с самого начала наталкивается на противоречие – форму иррациональную, поскольку оно лежит за пределами сознательно исповедуемой (формальной) логики. Потребовался Гегель, чтобы возвести «абсурдно-мистическое» содержание противоречия в ясно выраженную рационально-логическую форму: именно противоречие является источником и формой развития мысли.

Согласно диалектическому представлению, всякая новая форма действительности есть результат разрешения противоречий в сущности явлений. Поэтому внутренняя форма движения теоретического процесса всегда с необходимостью (сознательно или бессознательно) воспроизводит логику объективного противоречия. Исследование этой логики, с одной стороны, есть исследование принципиальных оснований творчества, а с другой – форма присвоения самой творческой способности как метода развития творческой, порождающей мысли.

Поэтому без понимания сути объективного противоречия вообще нельзя понять творчество. В самой общей форме это противоречие (с субъективной стороны) заключено в требовании *увидеть в наличном то, чего в наличии нет*. Иначе говоря, в составе данной определенной действительности требуется обнаружить такую форму бытия, которой в этом бытии нет, но которая выражает возможность самого бытия. Она есть и одновременно ее нет. Поэтому требуется понять

противоречие не только как форму объективной действительности, но как собственную форму самого творческого процесса, процесса творящей деятельности субъекта.

Тождество субъективного и объективного ясно указывает и на то, что *субъектность принадлежит самому объекту*, действительности, а не только человеку с его особыми способностями.

Природное развитие осуществляется как выявление и связывание таких ее (природы) характеристик, которое в конкретном единстве дают новое качество – как реализованную возможность самой природы. Таким выявлением является и сам *Homo sapiens*, собственным, новым, сущностным качеством которого оказывается способность представлять собой, в формах своей деятельности, любую форму действительности. В деятельности человека, а потому и в его деятельных способностях, воспроизводится сама природа. Но воспроизводится в ее всеобщих сущностных определениях, снимаемых субъективными определениями цели. А потому человеческая деятельность – это для-себя-бытие природы.

Способ творения вещей природой определен самой природой, иначе говоря, он заключен в ней самой и есть таков, каков есть. Природа действует согласно своей необходимости, формой которой выступает и случайность, она (природа) есть причина самой себя. Но природная необходимость реализует себя лишь в тех условиях и посредством таких вещей, таких своих образований, которые создаются или втягиваются в процесс случайным образом. *Для своего осуществления природа не создает себе условий*. Иначе говоря, она не свободна, потому и ее актуально-предметное бытие зависит от случайности. Человеческая же деятельность *удерживает необходимость связи сознательным воспроизведением условий этой связи*, находит адекватные способы и формы воплощения необходимости в бытии. Этим она противостоит стихии. Выявляя и предметно закрепляя свои собственные формы, удерживая природу в ее собственных определениях, деятельность человека не только самоопределяется в природе, но и определяет природу, противостоит ее внешне-случайным определениям и превращает в действительность ее возможности.

Больше этого, правда, человек сделать не может. Пределы его возможностей замкнуты в пределы самой природы. Но эти пределы как всеобщие формы ее внутренних отношений, как ее сущностные определения человек делает средством своей деятельности, он не зависит от случайных локальных обстоятельств и действует не по ограниченной логике этих последних, а по логике *всеобщих форм* природ-

ной действительности, полагая актуальным и то, что в стихии бытия для самой природы является лишь потенциальным, лишь невыявленной возможностью. Что природе оказывается доступным лишь через случайную связь, через стихийное обнаружение в себе своих собственных условий, человек в своей деятельности делает необходимым (должным), сосредотачивая в своих способностях в качестве актуальных все природные возможности. Это и делает человека универсальным существом, действующим посредством всех определений природы.

Принципом природы является *случайность*, именно в этой форме проявляется ее собственная *необходимость*. Человеческим же принципом является *свобода*, свободное полагание любой формы, снимающее природную необходимость.

Объективная закономерность вещей раскрывается первоначально в способе самой материальной деятельности, в ней человек подчиняет свои действия независимой от него объективной логике вещей. Способ этой деятельности, ее логика становится сознаваемой, человеку идеально в его сознании открывается все пространство и время вовлеченных в его общественно-историческую деятельность вещей – благодаря этому идеальному плану человек может действовать в мире вещей *со знанием* их. В знании человек имеет свободу действия, т.е. оказывается способным положить начало и конец любому возможному в знаемых им объективных условиях взаимодействию вещей – поскольку он знает законы их связи, движения, развития. Разумеется, это свое свободное действие человек осуществляет в соответствии со своей целью, потребностями и интересами. Теперь уже не стихийный объективный процесс подчиняет себе человека, принуждая его к движению, деятельности в соответствии со своими объективными характеристиками, а человек подчиняет себе, своей воле процессы природы, начиная или прекращая их, придавая им одну или другую формы. Он не только произвольно (согласно воле) начинает и прекращает объективные процессы природы и придает им соответствующие своим потребностям формы, но, и опять же, благодаря знанию – умеет направлять силы одних вещей на бытие других и этим достигать необходимого ему результата. Здесь разум действует согласно природе вещей, но вместе с тем он осуществляет свою собственную цель, не присущую самой природе.

Именно поэтому разумная деятельность создает такие формы вещей, которых в самой природе нет и которые природа сама по себе создать не может. Законы природы проявляются в многообразии

форм объективного мира, формы эти развиваются в природе. Но наиболее полно и адекватно собственной объективной мере эти формы создаются в целесообразной сознательно-разумной деятельности человека.

Если социально-историческая действительность объективно не требует изменения вещей этого мира в их особой системной организации или в их обособленном единичном существовании, если она определяет движение человека в согласии и в соответствии с их стабильными, неизменяющимися формами, то ясно – она исключает самое творческую способность, творчество. Последнее имеет место здесь только как *творение этой действительностью* приспособленного к себе, к своим четко определенным, регламентированным и друг с другом согласованным формам, столь же определенного и регламентированного *человека*. И все способности индивида здесь формируются и понимаются как способности наиболее точного воспроизведения этих форм, как способности воспроизводящие, но не как творящие.

Однако любая действительность, если она активно сохраняет свою определенность – даже если в форме простой репродукции себя – содержит в себе момент творчества. Но творческая способность здесь может мыслиться только в ограниченной форме – в соответствии с ограниченной сферой ее применения внутри целого. Ее собственное противоречие заключается тут в том, что, будучи творческой способностью, она должна быть (вынуждена быть) способностью пластичного самоподчинения требованиям действительности, *творческой способностью репродукции* целого. Здесь нет свободного полагания самого целого, его развития. Поэтому творчество здесь не выражает своего понятия. Оно тут фиксировано в самой элементарной и неразвитой форме, в той, где оно еще и не есть творчество или есть такое творчество, которое своим действием стремится устранить само себя и свои предпосылки. В этой форме оно лишь восстанавливает те условия существования, которые отрицают всякое творчество. Иначе говоря, такая ограниченная форма творчества порождается распадом действительности, необходимостью восстановления целого, а не потребностями его прогрессивного развития.

В развитой же форме творчество есть способность целого не восстанавливать, а снимать ограниченность своих наличных форм и предпосылок. С формальной стороны и элементарная, и развитая формы творчества есть функция, средство, определение целого. Но в результате движения первая угасает в самотождественности своего

продукта, а вторая свободно снимает любое свое творение, превращая его в предпосылку своего ничем не ограниченного движения.

Ограничивающая себя и сдерживающая свое собственное развитие форма действительности есть *момент проявления разума* – именно потому, что самотождественность есть *абсолютный* момент бытия. Но сам разум здесь существует в «неразумной форме».

Где действительность удерживается в рамках ее равенства самой себе, там противоположный момент, момент отрицания этой самотождественности, как *абсолютный*, с необходимостью обнаруживает себя и себя осуществляет *вне сознания* – не как субъективно полагаемое бытие, а как бессознательный продукт самой действительности. Сознание первоначально и фиксирует этот момент, момент противоречия, *лишь как только негативное* начало и определяет деятельность скорее на его устранение, чем на его разумное определение. Поэтому разум и не проявляется здесь в сознании в полноте своих определений – положительного и отрицательного. Поэтому это и есть *неразумная форма разумного*.

А потому и творчество как форма движения разума здесь дано в односторонней, неразвитой форме, в форме, не доходящей до своих собственных оснований, до самотворчества, до самоопределения, до свободы. Момент самоопределения, саморазвития тут оказывается слепым, бессознательным следствием творения *внешних* форм.

Это значит, что само противоречие еще не выступило *для сознания абсолютным моментом* бытия, понимается не как основание развития и творчества, а лишь в негативной форме.

Человеческая деятельность в своей предметной специализации распадается на широчайший диапазон форм – от абстрактно-односторонних, направленных на выявление и удержание простейших свойств бытия, до форм, *творящих самое творческую способность*, т.е. человеческое *Я*, личность в ее непосредственности. Один полюс – это раскрытие свойств природы, как будто не содержащее в себе никакого творения; другой – как будто чистое творение, ничего собой не открывающее.

Этот легко фиксируемый факт предметного разделения человеческой деятельности должен быть понят не только на основе внутреннего единства предметного содержания, но и сущностного единства общественно-исторической человеческой деятельности. Чем глубже человек погружается в мир, тем более он обособляется от него, тем определеннее и могущественнее становится его *субъектность*. Открывая, он творит способы своей деятельности, творит самого себя.

Творит себя – потому что любая форма действительности, включая сюда действительность самого человека, его субъектность и субъективность, в прямой или превращенной форме становится формой и мотивом его отношения к миру.

Этот диапазон форм человеческой деятельности представляет собой замкнутую на себя бесконечность, крайние точки его совпадают – это весь универсум в абстрактном и конкретном его содержании, в материальном и идеальном бытии, в формах возможных и действительных, непосредственных и опосредованных, конечных и бесконечных и т.д. Творческий момент здесь наиболее выражен там, где коллективно производящие условия своей жизни индивиды *непосредственно* производят и самих себя – то есть *сознательно* изменяют, творят формы своей организации, своих отношений, *творяют формы своей деятельности*.

Все попытки внелогического объяснения творческой способности свидетельствуют об ограниченной трактовке самой логики, ее принципов и сферы. Логика тут оказывается неспособной объяснить процесс мышления как он происходит в реальной действительности. А это и значит, что законы постигающего и творящего мышления еще не выявлены и не предложены в качестве логических форм. Здесь нужна такая логика, которая своим движением разворачивала бы деятельность этой способности, ее принцип, иначе говоря, форму деятельности человеческого Я.

Принцип логики, способной выразить движение, развитие, переход, а следовательно, и творчество, есть, как уже было отмечено, *противоречие*. Изменяющуюся вещь нельзя понять, не фиксируя одновременно ее тождества самой себе и ее отличие от самой себя. Именно поэтому логика, замкнутая в принцип тождества, и не может показать изменение знания, перехода его в другое содержание. Но и противоположный принцип – различие, - взятое без момента тождества, вырождается в пустой переход, чистое изменение, утрачивающее определенность вещи. Лишь единство тождества и различия – или тождество противоположных определений вещи – схватывает ее изменение, развитие. Поэтому и постигающее предмет, и творящее новые предметные формы мышление может и должно исходить из этого принципа.

Всякая новая форма при таком подходе есть результат разрешения противоречия в сущности явлений. Противоречие в мышлении, отражая собой объективную противоречивость вещей, выступает как проблема, поставленная самой действительностью перед человеком.

Разрешение этой проблемы, противоречия в составе мышления, и есть акт перехода к новому знанию, его преобразование, деятельность познающей и творческой способности. А тем самым и логика противоречия – от его возникновения до разрешения – есть логика самой этой способности. Ибо способность есть не что иное, как *владение способом бытия и движения соответствующего предмета*. Я владеет предметом тогда, когда знает его не только в его внешних характеристиках, но в его собственной логике бытия, в способе движения, в формах его возникновения и в формах его превращения в нечто другое. Это и делает Я *формообразующим началом*.

Такая универсальная способность формируется не как схема, заранее согласованная с определенными условиями ее осуществления, а как раз наоборот – как нечто такое, что позволяет активно действовать с любой формой бесконечно разнообразной действительности. А формы эти не только различны, но даже противоположны, поэтому схематизм, способ деятельности человеческого Я должен быть таков, чтобы одинаково хорошо работать и в противоположных условиях. Как понять способ деятельности, всегда согласующийся с изменяющимися условиями бытия, с действительностью, которая представлена не только в различных, но и в противоположных формах, – в этом заключается вся сложность проблемы.

Теоретически этот вопрос решен давно. Дело тут, оказывается, заключается не в том, чтобы актуально в какой-то системе представить все наличное многообразие способов, снятых с форм (соответствующих формам) объективной действительности. Даже если это творческие формы. Сколь бы творческой ни казалась заранее определенная схема (алгоритм, метод), она так или иначе требует способности решать на каждом этапе своего движения проблему своего соответствия объективным условиям.

А такое решение может быть осуществлено только на основе логики противоречия. А эта логика по необходимости включает в себе самой способность содержательно себя менять. Поскольку в схематизме такого движения представлена всеобщая форма развития любой вещи, постольку он позволяет вещь сознательно развивать, творить ее формы, более того – выходить за ее пределы, создавать на ее основе другую вещь. И возможно это потому, что схематизм этот есть развернутая форма движения противоречия, которое не только лежит в основании и очерчивает контуры будущей формы действительности, но и – в силу его категориальности – *обрекает* человека на ее творение.

В противоречии заключена не только необходимость творчества, но и *свобода* субъекта. Это такая свобода, которая снимает выбор (прерогатива животного и машинного интеллекта) как свое формальное условие и предполагает волевое самоопределение субъекта к продуктивной деятельности. Поэтому *свобода и творчество суть совпадающие определения деятельности Я*.

Противоречие – это принцип, форма, способ деятельности *Я*. Через эту форму *Я* глубочайшим образом сомкнуто, сопряжено с действительным миром. Поэтому рефлексия способа деятельности *Я* говорит о действительности больше, нежели форма отвлеченного объектного знания. Знание начинает совпадать со способностью только тогда, когда оно выражает действительность в той же, что и способность, предельной глубине – в *противоречии как форме начала*, потому что в нем бытие задано, но не дано.

Умом Аристотеля философия давно показала, что мышление представляет собой форму всех форм. А такая форма всех форм, т.е. нечто не имеющее своей собственной формы, может быть понята только как противоречие, в котором, через которое и существует, и отрицается всякая наличная форма и осуществляется переход в другую. Это значит, что в противоречии необходимо увидеть возможность другой вещи, более того, заданность ее. Разрешить противоречие – это и означает найти или создать такую вещь, в которой противоположные моменты противоречия отождествляются. Контуры этой вещи, ее основные свойства обнаруживаются еще до ее объективного бытия, и они тем четче выступают в знании, чем детальнее и полнее исследовано содержание противоречия.

Практическому творчеству в сознательной деятельности всегда предшествует творение в мышлении, в идее. Творение вещи в идее, а потому и в реальном деле, осуществляется не как произвольный ход – мышление должно произвести ее (вещь) строго в рамках тех закономерностей, которые обеспечивают ее действительное (а не просто формально возможное) объективное возникновение. Законы развития потому и выступают здесь законами познания, а потому и творчества.

Способность работать с противоречием не дана как прирожденная форма, и обнаружение этого обстоятельства лишает мистичности творческий процесс. А понимание этой способности объясняет и само творчество. Для бессознательного творческого процесса противоречие является скрытой формой, хотя объективно движущей началом его (творчества) осуществления и развития является именно оно, про-

творение. Вся кажущаяся мистичность творчества заключена именно здесь, и это не случайно, потому что так называемый «здравый смысл» всегда отказывался в противоположностях видеть тождество как вещь совершенно невозможную.

НАШЕ НАСЛЕДИЕ

И.А. Ильин

О ТВОРЧЕСКОМ ЧЕЛОВЕКЕ¹

Вот кто с полным правом требует себе свободы, притязает на нее и добивается ее. Она должна быть ему предоставлена и обеспечена, чтобы никто не смел ему ничего предписывать и чтобы никакая человеческая власть на земле не запрещала ему творить, как

---

¹ *Ильин И.А.* Собр. соч.: в 10 т. М., 1994. Т.3. С.431-437.